

Война и средства массовой информации: постоянные и переменные величины

Арно Мерсье*

Арно Мерсье – профессор университета имени Поля Верлена в Меце (Франция) и директор лаборатории «Информация и политика» Французского национального центра научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS).

Краткое содержание

Рассматривая взаимосвязь войны и средств массовой информации, надо прежде всего выяснить, в какой роли они задействованы в конфликте – в качестве цели (в случае войны против средств массовой информации) или в качестве вспомогательной силы (в случае, когда война ведется с помощью средств массовой информации). На основании этого различия можно выделить четыре основных явления, совокупность которых превращает сегодня войну прежде всего в действие, разыгрываемое средствами массовой информации. Это манипуляции с постановочной фотографией. Это технологии живого эфира, в свя-

* Данная работа – адаптированный вариант статьи «Guerre et médias: permanences et mutations», *Raisons politiques*, № 13, février 2004, pp. 97–109.

зи с которыми встает вопрос о минимально необходимой дистанции между журналистами и освещаемыми ими событиями и которые способствуют использованию журналистов. Это давление на средства массовой информации и их глобализация, что привело к изменению пропагандистских методов, применяемых военными и политическими властями. И, наконец, тот факт, что ухудшение отношения общества к цензуре заставляет власти искать новые способы контроля над журналистами.

Вооруженные силы уже давно стали учитывать в своем оперативном планировании принципы информационного общества и мира, наполненного информационными системами. Контроль над тем, как освещаются военные события, приобрел такое же стратегическое значение, как и возможность вывести из строя коммуникационные системы неприятеля¹. «Освобождение» рядовой Джессики Линч, снятое на пленку американскими военными 1 апреля 2003 г., служит хрестоматийным примером, даже несмотря на то, что впоследствии открылись и ложь вокруг ранений рядовой Линч, ее сопротивления во время захвата, и реальные опасности операции по ее освобождению².

Военная пропаганда существует давно, но в последнее время средства массовой информации на войне стали использоваться более активно и изощренно. Создаются специальные подразделения, анализирующие проблемы, связанные с передачей информации до и после боевых операций и последующей победы. Это считается тем более необходимым, потому что наши демократические общества объявили тотальную цензуру неприемлемым явлением, скорее приносящим политические потери, чем военные преимущества.

- 1 Gérard Chaliand, *La persuasion de masse – Guerre psychologique, guerre médiatique*, Robert Laffont, Paris, 1992.
- 2 Второго апреля Ассошиэйтед пресс процитировало высказывание пожелавшего остаться неизвестным должностного лица, заявившего, что в рядовую Линч стреляли, а «Нью-Йорк таймс» сообщила, что в нее «стреляли несколько раз». Газета «Вашингтон Пост» 3 апреля поместила сюжет на первую страницу и, также цитируя анонимных должностных лиц, написала, что Линч «билась насмерть» и «не хотела сдаваться в плен живой». За этим последовали другие истории. Некоторые журналисты зашли так далеко, что заявляли, что Линч была изнасилована, хотя сама Линч сказала, что не помнит такого инцидента. До сегодняшнего дня средства массовой информации и общественность продолжают верить в миф о рядовой Линч и сохранять его, причем информация, выпущенная в свет журналистами, стала сюжетом художественных произведений и телевизионных постановок. См. <<http://www.journalism.org/resources/research/reports/war/postwar/lynch.asp>> (последнее посещение сайта 17 января 2006 г.).

Попробуем в связи с этим определить, что изменилось, а что осталось прежним в управлении средствами информации в военное время, уделив должное внимание обоим аспектам сегодняшних отношений между войной и средствами массовой информации, военными и журналистами. Тот факт, что применение силы может приводить к войне против средств массовой информации, не исключает возможности вести войну руками самих журналистов – либо с помощью прямой пропаганды, либо путем контролирования репортажей³. Краткий анализ того, как развиваются эти отношения, позволяет лучше понять последнюю войну в Ираке и увидеть ее в истинном свете.

Война против средств массовой информации и война с помощью средств массовой информации

Во время войны гражданские и военные власти вполне могут считать недопустимым, чтобы свободные издания нанимали независимых журналистов для поиска информации или видеоматериалов, которые они не хотели бы разглашать. Военные корреспонденты, которые обязаны были выверять имевшиеся у них сведения, впервые появились в середине XIX века⁴ и вскоре привлекли внимание общественности. Знаменитым примером является Уильям Рассел, освещавший Крымскую войну в 1854–1855 гг., а затем гражданскую войну в Соединенных Штатах в лондонской «Таймс». Правительства очень скоро ввели радикальную цензуру на журналистскую работу – то ли для успеха сражения, то ли для поддержания духа войск и гражданского населения. Во время Первой мировой войны министерства обороны направляли своих чиновников в различные газеты, чтобы жестко контролировать работу журналистов. В районах боевых действий журналистов не пускали на линию фронта. Обе конфликтующие стороны полагали, что пресса должна служить государственной пропаганде⁵ – тексты подвергали цензуре, а журналистов запугивали. Во многих странах это и по сей день так. Журналистам запрещают бывать на театре военных действий (как, например, в Чечне), а если они нарушают этот запрет, то их убивают. В таких странах, как Алжир и Сьерра-Леоне, они также рас-

3 Из последних работ на эту тему см. Michel Mathien, *L'information dans les conflits armés – du Golfe au Kosovo*, L'Harmattan, Paris, 2001; Claude Beauregard, Alain Canuel, Jérôme Coutard, *Les médias et la guerre – de 1914 au World Trade Centre*, Editions du Méridien, Montréal, 2002.

4 Philip Knightley, *The First Casualty – the War Correspondent as Hero & Myth-Maker from the Crimea to Iraq*, Johns Hopkins, Baltimore, 2004.

5 Во Франции это привело к учреждению анархистами в 1915 г. еженедельного сатирического журнала «Канар Аншене», который по сей день громит бесчестных политиков.

плачиваются жизнью за то, что предают гласности особо жестокие злодеяния. Свобода прессы и право общественности на доступ к информации в военное время пока не соблюдается.

Кроме того, уничтожение средств массовой информации противника теперь считается общепризнанной военной целью. Сербы несколько раз бомбили помещение независимой сараевской газеты «Освобождение»; среди несмертельного оружия, имеющегося в западных арсеналах, есть электромагнитные устройства, блокирующие не только военные передатчики, но и гражданские радио- и телепередачи. Это делали как в Белграде, так и в Багдаде в 2003 г. Иракский телецентр полностью разбомбили. Американцы убили 8 апреля 2003 г. испанского журналиста, обстреляв отель «Палестина» в Багдаде, где проживало большинство независимых журналистов, работавших в Ираке. Находившиеся в Багдаде журналисты заявляли, что обстрел был совершен преднамеренно, хотя и можно предположить, что здание обстреляли по ошибке, в пылу сражения. Также преднамеренным считали обстрел представительств Аль-Джазиры и Абу Даби ТВ. Эти инциденты были расценены как меры запугивания и наказания журналистов, которые осмелились критиковать вторжение США в Ирак.

Воюющие государства научились использовать средства массовой информации в собственных целях, либо применяя меры принуждения к независимым службам новостей, чтобы те не обнародовали нежелательные факты, либо создавая свои собственные подразделения по контактам со средствами массовой информации. Во всех вооруженных конфликтах используются пропаганда, «промывание мозгов» и более коварные средства убеждения, а присутствие журналистов считается необходимым на каждой стадии конфликта. До того как полетят пули, средства массовой информации служат для убеждения и мобилизации; впоследствии они помогают узаконить происшедшее, сформировать определенные представления о победе и заглушить всякую критику.

Во время гражданской войны в Руанде превосходным орудием мобилизации служила радиостанция «Radio-télévision libre des Mille Collines». Вслед за расистской и подстрекательской прессой эта радиостанция вела систематическую кампанию по разжиганию расовой ненависти, так и выплескивавшейся из передатчиков руандийского правительственного радио. Четко отрегулированная пропагандистская машина «Radio-télévision libre des Mille Collines» заблаговременно подготовила массовые убийства тутси и умеренно настроенных хуту. Радиостанция усугубляла существовавшую напряженность и призывала людей быть наготове, затем братья за оружие. Потом, когда начался ге-

ноцид, ее ведущие координировали действия убийц, сообщая им, например, о вырытых, но пока еще пустых братских могилах, и призывая не шадить детей. День за днем они приводили аргументы в оправдание кровопролития и поздравляли палачей с достигнутыми результатами. И 2 июля 1994 г. один из основных ведущих радиостанции провозгласил: «Друзья, нам есть чем гордиться! Они истреблены. Возрадуемся, друзья мои. Господь справедлив!» Преднамеренный геноцид, проводившийся экстремистами хуту, поддерживался за счет того, что эксперт по Африке Жан-Пьер Кретьен назвал «мощной и умело организованной пропагандой, управлявшей этим «народным гневом» от начала до конца»⁶. В докладе ООН 1992 г. Тадеуш Мазовецкий осудил также «негативную роль средств массовой информации в бывшей Югославии, которые дают ложную и провокационную информацию, поддерживая атмосферу ненависти и взаимных предубеждений, подогревающую конфликт в Боснии-Герцеговине»⁷. Он развил свою мысль в интервью: «Средства массовой информации содействовали распространению ненависти, поскольку, говоря о другой стороне, прибегали к стереотипам, разумеется, негативным. Так, все хорваты стали «устахами», а все сербы – «четниками». Это происходило ежедневно. Рассказывали только о преступлениях, совершенных другой стороной. Средства массовой информации в Сербии охотно обсуждали пресловутый международный заговор против сербов, хорватских же журналистов охватил синдром национального единения и необходимости противостоять врагу. Я считаю, что местная пресса в буквальном смысле разжигала ненависть к соотечественникам различных национальностей и непосредственно несет ответственность за этнические чистки»⁸. В менее агрессивной пропагандистской манере в целях привлечения общественной поддержки полезно использовать шокирующий зрительный ряд, вызывающий сочувственную реакцию. Мы видели, как во всем мире телевизионные экраны показывали колонны беженцев из Косово, что послужило для НАТО оправданием бомбардировок, совершенных в 1999 г. без мандата ООН⁹.

Что касается дезинформации, то следует упомянуть два хорошо известных случая использования средств массовой информации со скрытым намерением донести до противника определенные сведения.

6 Jean-Pierre Chrétien, «Rwanda, la propagande du génocide», in Reporters sans frontières, *Les médias de la baine*, La Découverte, Paris, 1995, p. 25.

7 Report of T. Mazowiecki, E/CN.4/1995/54. См. также: International Centre against Censorship, *Forging War: The Media in Serbia, Croatia and Bosnia-Herzegovina*, The Bath Press, May 1994.

8 December 13, 1993, *Vreme News Digest Agency*, No. 116.

9 David D. Perlmutter, *Photojournalism and Foreign Policy – Icons of outrage in international crises*, Praeger Publishers, Westport, 1998.

В 1941 г. Геббельс пожелал отвлечь внимание наблюдателей от приготовлений к завоеванию России, утверждая, что главная задача – завоевать Великобританию. Десантные войска как раз высадились на Крите. По поручению Геббельса газета «Фелькишер Beobachter» опубликовала 13 июня статью под названием «Критский пример», где проводились возможные оперативные параллели с вторжением через Ла-Манш. Через два часа после того, как это стало главной газетной новостью, гестапо было приказано изъять газеты из продажи, чтобы имитировать паническую реакцию на серьезную утечку информации. Этот вполне топорный ход не мог остаться вне поля зрения иностранных корреспондентов и шпионов. В 1991 г. американские военные поделились с журналистами своими планами по морскому десантированию в Эль-Кувейте. Иракские вооруженные силы немедленно стали сосредоточивать там войска. Однако этот шаг был направлен на то, чтобы отвлечь внимание от истинных планов американцев, состоявших в том, чтобы окружить Кувейт и иракские войска, войдя непосредственно на территорию Ирака (знаменитая операция «Даге»).

Что касается оправдания действий властей, то следует обратить внимание на подобострастие российских средств массовой информации. Они транслировали, хотя, надо сказать, под сильным давлением, победоносные заявления Кремля об успехе «борьбы с терроризмом» в Чечне. Вообще говоря, журналисты склонны поддаваться на патриотические призывы, что и продемонстрировала Фокс Ньюз в 2003 г. Любая и всякая критика интервенции США со стороны других журналистов или общественности во время или после войны немедленно расценивалась этой компанией как предательство. Наиболее радикальным выражением такой позиции руководства канала было прозвучавшее в его эфире заявление: те, кто сомневается в доводах Джорджа Буша, – очевидно сторонники Бен Ладена. Отвечая на замечания журналиста Си-эн-эн, критиковавшего стремление администрации Буша заставить всех журналистов ходить по струнке, представитель Фокс Ньюс Айрин Бриганти заявила: «Пусть лучше тебя считают солдатом Буша, чем рупором Аль-Каиды»¹⁰.

Свободная пресса или пропагандистская машина?

С той поры, как появились военные корреспонденты, в процессе освещения всех конфликтов происходили изменения: мобилизация всей

10 Цитируется по работе: Peter Johnson, «Amanpour: CNN practiced self-censorship.» *USA Today*, 14/09/2003.

нации с помощью подцензурной прессы (Первая мировая война); использование радио и телевидения в качестве средства массовой пропаганды и мобилизации (Вторая мировая война); более мобильное съемочное оборудование и рост числа журналистов-международников, направляемых в зону боевых действий (вьетнамская война); живая спутниковая связь и появление программы безостановочного новостного вещания Си-эн-эн (война 1991 г. в Персидском заливе); глобализация средств массовой информации, когда несколько конкурирующих каналов, безостановочно транслирующих новости, представляют противоположные взгляды на проблему (последние конфликты в Афганистане и Ираке). Все это активно влияет на восприятие общественностью происходящего на войне и законности некоторых актов войны. Подобное положение дел в средствах массовой информации во многом обусловили четыре основных явления журналистики XX столетия.

Манипулирование зрительным рядом

Прежде всего речь идет о возникновении фотографии – военные осознали возможность фабрикации и отбора того, что можно показывать, а что не следует, не допуская появления нежелательного зрительного ряда. Первыми, кто воспользовался преимуществами, которые дают живые картины в плане пропаганды идеалов и обработки масс, были тоталитарные режимы. Имеется множество способов манипулировать фотографией или длиной киносюжета – ведь визуальные изображения дают зрителю ощущение подлинности показанного. Можно использовать эстетические свойства зрительного ряда для возбуждения в зрителе эмоций, для приукрашивания реальности. Можно придать выдумке видимость реальности, стилизуя ее под документальный фильм. Скандальную известность приобрел фильм, снятый летом 1944 г. в концентрационном лагере Терезен. Фильм имел длинное название – «Прекрасный Терезен – фюрер отдает город евреям». Недавно отправленные в лагерь евреи оказались актерами в этой инсценировке идеального лагеря для интернированных: еврейская библиотека, оркестры, сад, игровое поле и т. д. Целью фильма было заглушить слухи о лагерях смерти, которые распространялись даже тогда, и защитить нацистский режим против военного натиска.

Стремясь облагородить насилие, западные вооруженные силы со времен Вьетнама пытаются контролировать зрительный ряд в выпусках новостей, избегая демонстрировать трупы, в том числе убитого противника. В последнее время руководство средств массовой инфор-

мации стремится показать, что на войне не только не страдает большое число гражданских лиц, но и даже убитых и раненых комбатантов противника немного. Во время войны 1991 г. в Персидском заливе насилие было не столько скрыто, сколько замаскировано и даже приукрашено¹¹: оно превратилось в развлекательное телевизионное шоу, преподносимое в форме теленовостей¹². Разрушения были показаны единственный раз: зрители видели, как самолет союзников наносил точечные удары по «стратегическим целям» (мостам, фабрикам, военным базам и аэропортам), то есть по тем объектам, где, если исходить из разумных соображений, не должно быть гражданских лиц. Когда же удары попадали в гражданских лиц, то представители военных выражали сожаление, называя это «побочным ущербом». Зрительный ряд, который представляли американские военные, отображал просто упражнения по владению «умным» и «чистым» оружием, то есть оружием, которое устроено так, чтобы щадить гражданское население.

Журналистов такой зрительный ряд приводил в восторг. «Снятые с воздуха кадры лазерных бомбардировок ВВС США потрясающие», – восклицала французская телевизионная журналистка Мишель Кота («ТФ1»). Ее коллега Жан-Пьер Перно («ТФ1») находил эти картинки «совершенно и-зу-мительными!» Таким образом, средства массовой информации создавали у зрителей именно тот образ бескровной войны, которого и добивался Пентагон. Передавались длинные репортажи о грудах останков сгоревших автомобилей всех видов, которыми была завалена трасса Кувейт – Багдад сразу после освобождения. Этот зрительный ряд свидетельствовал о страшных разрушениях, однако создавал впечатление, что разрушению автомобилей сопутствовало небольшое число человеческих потерь. Трупов возле автомобилей не было, поскольку военные допустили журналистов к этой сцене только после того, как они ее «вычистили». Еще один шаг в этом направлении был сделан в сентябре 2003 г., когда журналистам запретили снимать доставленные из Ирака гробы с телами погибших американцев.

Влияние новых технологий

Вторым важным событием стало создание спутниковой связи, в результате чего возник вопрос о том, в какой степени журналист должен

11 Arnaud Mercier, «Médias et violence durant la guerre du Golfe,» in Philippe Braud, *La violence politique dans les démocraties européennes occidentales*, L'Harmattan, Paris, 1993, pp. 377–388.

12 Об этом конфликте см. Marc Ferro, *L'information en uniforme*, Ramsay, Paris, 1991; John R. MacArthur, *Second Front – Censorship and Propaganda in the Gulf War*, Hill & Wang, New York, 1992; Richard Keeble, *Secret State, Silent Press – New Militarism, the Gulf and the Modern Image of Warfare*, University of Luton Press, Luton, 1997.

дистанцироваться от своего репортажа и вести его беспристрастно. В представлениях об этике профессии долгое время доминировала такая идея: чем ближе к месту событий добыты сведения и чем скорее они попадут на страницу газеты или экран телевизора – без риска манипулирования или появления новых событий, меняющих толкование, – тем больше шансов, что репортаж будет отражать реальность и поможет общественности разобраться в ситуации. Возникший в результате этого дефицит времени повлиял на все виды журналистики, и средства массовой информации никогда не жалели средств на технологии прямого эфира (телеграф, телефон, спутниковая связь). Война 1991 г. в Персидском заливе была образцом фактически безостановочного освещения событий в режиме реального времени благодаря спутниковой технологии, что освободило журналистов от всякой зависимости от местных телефонных компаний.

При этом очевидно, что, получив информацию, журналисты сразу же должны представить ее в эфире и у них не остается времени на перепроверку сведений – а это очень важно в журналистской работе¹³. В таком смысле технологии прямого эфира не улучшают качество распространяемой информации. Если журналисту не удалось ничего увидеть, обращаться к нему в прямом эфире только потому, что у его компании имеются для этого технические средства, бессмысленно. Во время последней войны в Ираке к репортерам постоянно обращались в прямом эфире, когда им нечего было сообщить, кроме слухов. Прямой эфир позволяет более интенсивно переживать телевизионные новости. Зритель наблюдает жизненные эпизоды, которые разворачиваются в реальном времени посреди боя, но часто это мешает ему воспринимать происходящее со стороны, более масштабно и реалистично.

Влияние глобализации

Третье явление очевидно, если учесть, что история средств массовой информации – это история появления различных информационных источников. Это создает напряжение в работе на местах, которое усугубляется ростом числа журналистов и конкуренции между различными компаниями и системами. В силу растущей глобализации информации становится невозможно представлять одну версию фактов своему народу, а другую – внешнему миру. В 1999 г. гражданский представитель Пентагона Кеннет Бейкон признал, что публичные заявления НАТО были недостаточно точными, поскольку у сербов имелся прямой доступ к этой информации.

13 Dominique Wolton, *War game – L'information et la guerre*, Flammarion, Paris, 1991.

В подобных ситуациях власти могут показывать тела убитых противников, чтобы создать у общественности впечатление, что победа уже рядом, рискуя при этом вызвать шок у людей и накалить эмоциональное напряжение населения и сторонников противника, как это было во Вьетнаме. Либо власти могут принять решение минимально показывать на экране разрушения и убитых людей противника или не показывать этого вообще, рискуя вызвать у общественности сомнения в успехе операции и опасения, что страна увязнет в войне, как это было в Ираке в 2003 г. Система прикрепления журналистов к войскам, несомненно, была нацелена на то, чтобы исключить возможность предоставления арабскими журналистами западным информационным корпорациям видеоматериалов, не контролируемых американскими военными. Может быть, именно поэтому эффектные кадры стали столь популярны у тех, кто снабжает журналистов информацией. Связанный собственными авторитарными представлениями о военных репортажах иракский министр информации продемонстрировал своими абсурдными заявлениями, что в эпоху, когда спутниковые системы передают видеоматериалы, которые моментально вступают в противоречие с пропагандистскими заявлениями, пропаганда старого образца теряет смысл. Сегодня уже недостаточно произносить победный клич. В наши дни, чтобы виртуозно лгать о войне, нужны прежде всего эффектные и мастерски сделанные видеоматериалы.

От государственной цензуры к самоцензуре

Четвертое явление состоит в том, что жесткая цензура становится все более неприемлемой. Сегодняшняя методика основана на хитрости – не на запрете, а на предотвращении, на том, чтобы апеллировать к журналистскому чувству ответственности – одним словом, на самоцензуре. Если военные допускают присутствие журналистов, то для того, чтобы лучше контролировать их деятельность. Военное командование стало более искусно управлять деятельностью журналистов в районах военных действий. Благодаря этому надзору журналисты получили относительную свободу писать то, что считают нужным. Сейчас – вместо явной военной цензуры, существовавшей во время двух мировых войн и войны за независимость в Алжире, когда цензору порой предоставляли рабочий кабинет прямо в редакции газеты, – власти допускают присутствие журналистов в местах проведения боевых операций, но на условиях властей.

Однако во Вьетнаме американцы попали в ими же расставленную ловушку¹⁴. С самого начала войны они отказывались вводить цензуру, что было бы сочтено недопустимым – поскольку формально Соединенные Штаты не объявляли войны – и вызвало бы подозрения средств массовой информации. Тем не менее журналистам требовалось иметь официальную аккредитацию, и было открыто настоящее министерство информации – Объединенное управление США по связям с общественностью. Его работа состояла в том, чтобы предоставлять прессе официальные сведения во время ежедневных пресс-конференций, что впоследствии превратилось в стандартную практику. Во многих отношениях военная журналистика свелась к пресс-релизам и конференциям. Во Вьетнаме большая часть сведений о войне поступала с пресс-конференций, а военные облегчали жизнь журналистам, обеспечивая им связь по телексу, телефону и спецрейсы для перелетов. Командирам предписывалось проявлять радушие к должным образом аккредитованным журналистам и предоставлять им транспорт. Опубликованная информация должна была соответствовать ряду правил, предписанных военными, но эти правила не представляли никаких проблем для журналистов.

Однако американские корреспонденты должны были рассказывать о жизни солдат. Сам конфликт и судьба вьетнамцев мало их интересовали, тем более что борьба с коммунизмом представлялась им законным делом. Фокусируя свои репортажи на буднях пехоты, они постепенно усиливали ощущение бессмысленности войны. И как только общественное мнение в США изменилось, резко возросло число разочарованных отзывов и шокирующих материалов, показывающих физический и моральный ущерб, наносимый войной. По окончании войны Пентагон был убежден, что именно невыносимость того, что показывало телевидение, больше всего способствовало протестам общественности против войны. В результате было решено в будущем не допускать журналистов в районы боевых действий, по крайней мере на начальной стадии конфликта. Во время интервенции США в Гренаду в 1983 г. журналисты были отрезаны от зоны событий. За год до этого такую же меру приняли британские военные на Мальвинах.

Во время войны 1991 г. в Персидском заливе произошли кардинальные перемены. В ответ на критику, звучавшую в американской прессе, цитировавшей первую поправку к конституции США с целью

14 Jacques Portes, «La presse et la guerre du Vietnam» in: Centre d'études des relations interculturelles, *L'opinion américaine devant la guerre du Vietnam*, Presses de la Sorbonne, Paris, 1992, pp. 113–139.

получить больший доступ к информации, была введена система «пулов». В соответствии с этой системой журналисты объединялись в небольшие группы, которым разрешалось время от времени бывать на фронте, а затем делиться собранной там информацией со своими коллегами, оставшимися в тылу. Такой подход был принят под предлогом обеспечения безопасности журналистам и предотвращения того, чтобы сбор информации помешал проведению текущих операций. Однако скрытая цель этой системы состояла в том, чтобы максимально ограничить доступ журналистов на фронт. В результате в средствах массовой информации война представлялась так, будто она ведется без кровопролития и материальных потерь. Зрительный ряд в основном состоял из представленных американскими военными материалами, снятых автоматическими камерами – их устанавливали в военных самолетах. Там фигурировали удары американских ракет класса «земля – воздух». Весь конфликт описывали с использованием терминологии, которую невозможно опровергнуть, поскольку нельзя проверить на местах. Это такие термины, как «точечные удары» и «интеллектуальное оружие», а погибших гражданских лиц обозначали словами «побочный ущерб».

В ответ на критику этой недостоверной информации военным в 2003 г. пришлось придумывать что-то новое, тем более что арабские средства массовой информации вышли из-под контроля Запада, как и в 2002 г. в Афганистане. Благодаря их наличию центр тяжести сместился, поскольку американские военные больше не могли рассчитывать на отсутствие или хотя бы бездействие средств массовой информации противной стороны или средств массовой информации, которые воспринимают как таковые. Поэтому американским военным пришлось пересмотреть свой запрет на доступ журналистов в районы боевых действий. Теперь они были аккредитованы и «приписаны» к боевым частям и подразделениям. При условии, что журналисты соблюдали весьма жесткие правила, в том числе полный запрет на все, что может способствовать определению местонахождения войск, они могли транслировать из района боевых действий любой зрительный ряд и любой текст. Расчет был прост: позволяя средствам массовой информации передавать в прямом эфире любые видеоматериалы о боевых действиях, военные удовлетворяли стремление телевидения показывать эффектные сюжеты, в то же время избегая всякого критического подхода, всякого объективного анализа, по крайней мере со стороны журналистов, ведущих репортаж из гуши сражения.

Согласно исследованию, проведенному вашингтонским Проектом журналистского мастерства, в первую неделю боевых действий

80% репортажей прикрепленных журналистов – их передали пять основных американских информационных корпораций – содержали только факты, которые наблюдали репортеры, но ни единого интервью. Из этих репортажей 60% были прямыми и не сопровождались никакими комментариями ведущих. Просмотренные видеоматериалы объемом в 40 часов не показывали людей с огневыми ранениями. Кроме того, общаясь с солдатами, живя с ними бок о бок и будучи обязаны им собственной безопасностью, журналисты постепенно начинали разделять точку зрения своих «хозяев» – аналогично «стокгольмскому синдрому», когда заложники в конце концов проникаются сочувствием к своим похитителям. Это и случилось в результате сочетания таких факторов, как восхищение, патриотизм, сострадание и самоцензура. Кейти Дэлэхеи Пэйн, основательница фирмы по связям с общественностью в Соединенных Штатах, считает такую систему «блестящей стратегией», потому что «чем лучше у любого из нас отношения с журналистом, тем больше шансов, что этот журналист подхватит и распространит наши идеи»¹⁵. Работа прикрепленного журналиста состоит в том, чтобы быть орудием осуществления крупномасштабной пиар-стратегии. Этот факт косвенно подтвердил в конце марта 2003 г. Брайан Уитмэн, заместитель начальника пресс-службы Пентагона: «Благодаря журналистам, прикомандированным к боевым частям и подразделениям, мы видим, что американские вооруженные силы хорошо экипированы, активны, профессиональны, преданны и управляемы»¹⁶.

Заключение

Западные военные продемонстрировали: вместо того чтобы сталкиваться с властью журналистов в лоб, они могут вести с ними игру, используя свою мнимую открытость и тем самым искуснее притупляя внимание общественности и бдительность журналистов. Везде – от Косова до Ирака – они действуют по одной схеме: заявляют, что ограничивают цензуру лишь соображениями стратегической эффективности и защиты своих сил, сдерживают, а не запрещают деятельность журналистов, при этом полностью контролируя процесс поступления информации, при необходимости имитируя определенные действия,

15 Katie Delahaye Paine, «Army Intelligence. Army public affairs gets it right this time,» *The Measurement Standard*, March 28, 2003.

16 Цитируется по сайту организации «Репортеры без границ», 28 марта, 2003 г. О роли связей с общественностью в руководстве США данной войной см.: S. Rampton, J. Stauber, *Weapons of Mass Deception – the Uses of Propaganda in Bush's War in Iraq*, New York, Jeremy P. Tarcher, 2003.

но не чрезмерно. Как и другие организации, находящиеся в поле внимания общественности, военные полностью приспособились к требованиям журналистского сообщества и осознали необходимость отрегулировать механизм общения с журналистами на профессиональном уровне. Средства массовой информации сделали частью войны. Сегодня они включены в военные стратегии в качестве одной из задач. Отношения со средствами массовой информации предусматриваются при планировании военных операций. Этими отношениями ведают профессионалы, и вооруженные силы проводят подготовку войск, разъясняя офицерам необходимость контролировать процесс журналистской работы и культивировать хорошие отношения с журналистами. Военные разработали «ноу-хау» по производству «продукции» (отчетов, пресс-подборок), соответствующей запросам журналистов.

Поэтому войну могут превращать в колоссальную постановку, в ходе которой штампуются эффектные видеоматериалы, содержание которых военные стремятся контролировать. В Сомали впервые сняли с берега высадку военных. Обычно кадры, которые мы видим, снимаются после того, как войска пройдут. Но в этом случае противник был столь слаб, что американские военные смогли организовать для журналистов съемку своей триумфальной высадки, как в кино. Однако этот сценарий вышел из-под контроля авторов 3 октября 1993 г., когда разъяренная толпа протащила трупы двух вертолетных пилотов по улицам Могадишу. Эта сцена ускорила уход Америки из страны.

Подобная ситуация означает, что журналистам следует пересмотреть свою практику. Таких старых методов, как освещение событий с разных точек зрения на расстоянии и с указанием источников, сегодня уже недостаточно. Внешне сбалансированная подача фактов порождает мнимое равновесие между истиной, заявленной вначале, и ложным ответом. Поэтому профессиональные журналисты должны разработать более критический подход, помогающий систематически отделять стратегические информационные интересы от фактов. Их задача – сформировать у общественности определенное представление и в то же время подтвердить, что журналистов не так легко обмануть с помощью информационных стратегий, нацеленных прежде всего на них самих. Можно в своем воображении постоянно делать вставку в газетные репортажи о войне, раскрывая тем самым средства, используемые соответствующими действующими лицами для внедрения своих идей.

Например:

– Освещение данного вопроса приурочено к ежедневной пресс-конференции.

– Поскольку данный вопрос занял 15 минут (50% всего времени), это свидетельствует о его важности.

– Ключевые слова: «жестокий», «гнусный», «тиран».

– Задача: убедить общественность в целесообразности войны.

– Цель: дискредитировать противника и сплотить людей, сыграв на их патриотических чувствах.

– Ответ противника: заявить протест.